

материализму, "согласно которому исторической жизнью управляли не идеи, а потребности. Эти колебания и эту борьбу взглядовъ въ старѣющемъ духѣ Берръ чрезвычайно интересно изображаетъ по письмамъ и дневникамъ Лакомба, переданнымъ ему наслѣдниками послѣдняго.

Лакомбъ былъ настоящимъ типомъ „частнаго ученаго,“ Privatgelehrter, какъ говорятъ нѣмцы. По своимъ политическимъ убѣжденіямъ онъ былъ республиканцемъ — индивидуалистомъ, противникомъ революціи, сторонникомъ социальныхъ реформъ. Когда республика смѣнила имперію, онъ, какъ товарищъ Гамбетты, приблизился даже на короткое время къ чисто-административной дѣятельности, сперва въ роли супрефекта; потомъ онъ перешелъ въ управление библиотекъ и архивовъ. Образъ этого замѣчательнаго человѣка, который былъ почти исключительно ученымъ по всему складу своей натуры, хотя многое написанное имъ относится болѣе къ публицистикѣ и популярно-научной литературѣ, чѣмъ къ наукѣ, какъ живой, встаетъ подъ искуснымъ, любовно-изобразительнымъ перомъ Берра. Нѣкоторыя книги Лакомба навсегда останутся въ литературѣ обществовѣдѣнія, какъ произведенія глубокой и честной теоретической мысли.

Петръ Струве.

3. Georges Danos, ingénieur des ponts et chaussées, docteur en droit. L'idée de l'autarchie économique et les statistiques du commerce extérieur. Paris 1921 (Librairie de Société du Recueil Sirey.) pp. XXIII + 92.

Основная мысль книги заключается въ томъ, что идея экономической „автаркіи“, „самодовлѣнія“ отдѣльныхъ государствъ не находитъ себѣ никакой опоры въ данныхъ статистики внѣшней торговли. Сперва авторъ излагаетъ и разбираетъ различныя теченія, въ которыхъ выражается эта идея, начиная съ Фихте и кончая новѣйшими авторами (американскими протекціонистами въ лицѣ Симона Паттена, Чемберленомъ-отцомъ и его послѣдователями и, наконецъ, германскими „экономическими империалистами“). Затѣмъ онъ останавливается на идеяхъ меркантилистовъ, которыхъ онъ знаетъ, повидимому, только изъ вторыхъ рукъ, и, наконецъ, вкратцѣ характеризуетъ воззрѣнія Фр. Листа. „Листъ никогда не думалъ изъ идеи экономическаго самодовлѣнія дѣлать стержень своей доктрины“. — говоритъ Дано вслѣдъ за Жидомъ и Ристомъ.

Проблема, которую занимается авторъ, представляетъ крупнѣйшій интересъ и по существу, и методологически. Конечно, абсолютнаго „самодовлѣнія“ не существуетъ; конечно, ни Британская Имперія, ни Соединенные Штаты, ни Россія не суть самодовлѣющія экономическія цѣлыя. И поскольку авторъ опровергаетъ эти утвержденія, онъ побѣдоносенъ. Но именно анализъ внѣшней торговли разныхъ хозяйственныхъ цѣлыхъ вскрываетъ глубокія различія въ экономической структурѣ различныхъ странъ (авторъ самъ замѣчаетъ это на стр. 26). Внѣшняя торговля, на примѣръ, Россіи весьма явственно отражаетъ исторически сложившійся ея экономическій укладъ, тѣсно связанный и съ величиной, и съ географическимъ положеніемъ Россіи. То же относится къ Соединеннымъ Штатамъ. И въ той, и въ другой изъ этихъ странъ подавляющее значеніе имѣетъ внутренній рынокъ, и этимъ обѣ эти страны, правда въ разной мѣрѣ, отличаются отъ такихъ странъ, какъ Германія, Англія и даже Франція. Этотъ особый экономическій укладъ, преобладаніе внутренняго рынка надъ внѣшнимъ, не слѣдуетъ называть экономическимъ „самодовлѣніемъ“, ибо только въ отвлеченно мыслимомъ предѣлѣ первый моментъ можетъ приводить ко второму, или совпадать съ нимъ, но какъ то необходимо и создавать, и подчеркивать такое своеобразие.

Формула „экономическаго самодовлѣнія“ дѣйствительно вызываетъ недоразумѣнія, и идея самодовлѣнія въ точномъ смыслѣ есть идея совершенно утопическая. Но вскрывая ея несостоятельность и изгоняя ее изъ употребленія, надлежитъ помнить, что этимъ отрицательнымъ сужденіемъ совершенно ничего положительнаго по существу для экономической характеристики отдѣльныхъ странъ не высказывается. Нѣтъ политическихъ цѣлыхъ, экономически „самодовлѣющихъ“, но разныя политическія цѣлыя весьма разнятся по своему экономическому укладу.

Весьма выпукло въ данныхъ, приводимыхъ Dapos, выступаетъ экономически скромная роль колоній для старыхъ странъ-метрополій. Отсюда авторъ справедливо заключаетъ (стр.69), что „колониальная политика не можетъ найти себѣ основанія въ мнѣіи „самодовлѣнія“; она можетъ быть оправдана лишь соображеніями общей политики, а не политики экономической. Колоніи какъ Франціи, такъ и Англіи были основаны не потому, что прежде всего нужно было обезпечить этимъ державамъ сырье для ихъ промышленности и рынки для ихъ издѣлій. Колоніи были основаны ради увеличенія политическаго значенія этихъ странъ, дабы открыть новое поле дѣятельности для ихъ гражданъ“.

Интересенъ также по существу и методически и другой выводъ автора, что основными факторами, опредѣляющими внѣшній товарообмѣнъ разныхъ странъ между собою, являются ихъ географическая близость и степень ихъ богатства. Эти два момента, а не мѣропріятія экономической политики обуславливаютъ собой характеръ и направленіе товарообмѣна. „Преобладающая роль этихъ естественныхъ причинъ объясняетъ устойчивость международнаго оборота“ (стр. 69).

Мысли и выводы автора не новы, но его этюдъ, благодаря обилію выразительныхъ статистическихъ таблицъ и діаграммъ, представляетъ весьма удобное и нужное пособіе при анализѣ явленій международнаго товарообмѣна. Для пониманія измѣненій, происшедшихъ въ послѣднюю эпоху и вообще весьма трудно еще уловимыхъ, трудъ Dapos, конечно, почти ничего не дастъ.

Петръ Струве.

4. Домъ Литераторовъ. Пушкинъ. Достоевскій.

Петербургъ 1921. Стр. 147.

Маленькая книжечка in 16° — сборникъ, составившійся изъ нѣсколькихъ рѣчей, произнесенныхъ на собраніяхъ „Дома Литераторовъ“, посвященныхъ памяти двухъ великихъ русскихъ творцовъ. Открываетъ сборникъ „декларация (о) ежегодномъ всероссійскомъ чествованіи памяти Пушкина въ день его смерти“, подписанная различными „учрежденіями и организаціями“, въ томъ числѣ „союзомъ пролетарскихъ писателей“ и „цехомъ поэтовъ“. Весьма характеренъ подходъ къ оцѣнкѣ творчества и историческаго значенія Пушкина, которою авторы декларации стараются обосновать „чувство благоговѣнія“ передъ Пушкинымъ — „для всякаго культурнаго русскаго челоука Пушкинъ прежде всего — символъ общественно-историческаго значенія литературы, а судьба его — прижизненная и посмертная — неповторимый примѣръ могущества пера“.*) За этимъ слѣдуетъ неизбѣжная цитата изъ „Памятника“. Такъ снова творчество духовное, строительство культуры вдвигается въ узкія и тѣснящія рамки общественности: почему, становится понятно изъ пристальнаго вдумыванія во всю идеологию сборника — жизни, стихійно-текущей и замкнутой въ своей самодовлѣющей законѣрности, противопоставляется только „чи-

*) Мнѣ чуется въ этихъ словахъ преимущественно новая политическая „эзоповщина“, одно изъ непререкаемыхъ „завоеваній революціи“.